

Андрей Дашков

Последний блюзмен

Андрей Дашков

Последний блюзмен

«Автор»

2004

Дашков А. Г.

Последний блюзмен / А. Г. Дашков — «Автор», 2004

ISBN 978-5-457-32878-5

ISBN 978-5-457-32878-5

© Дашков А. Г., 2004

© Автор, 2004

Андрей Дашков

Последний блюзмен

Уезжая, человек в черном костюме обернулся и этим нарушил одно из своих главных правил.

Девушка сидела на веранде в инвалидном кресле – так же, как несколько часов назад, когда он увидел ее впервые. Правда, тогда в руках у нее была скрипка. Теперь скрипка лежала в багажнике его большой черной машины. Он не стал сжигать инструмент на глазах у девушки, ведь это было бы все равно что забрать последнюю игрушку у ребенка, а он не изверг.

На таком отдалении он уже не различал ее лица, но это к лучшему. И хотя он в точности выполнил инструкции своего работодателя, на душе у него появилась некая тяжесть. Честное слово, он предпочел бы взять несчастную калеку с собой и доставить ее по назначению, однако был абсолютно уверен, что она не выдержала бы долгого пути. То, что ей отпущено совсем немного времени, он определил сразу же – для этого не нужен был врач. Хорошо, что он по крайней мере успел сделать запись. Пусть любительскую, но зато уж точно неповторимую. Да, он сработал чисто – как всегда.

Вскоре дом с верандой исчез из виду. Когда спустя несколько минут сердце девушки перестало биться, человек в черном почувствовал это на расстоянии и окончательно успокоился.

* * *

Почти каждый вечер, незаметно переходивший в ночь, Слепой играл в маленьком придорожном кафе, которое называлось «Дерево Иуды». Название это было тем более странным, что на десяток километров вокруг не осталось ни единого дерева. Все их срубили и сожгли в страшную зиму пятьдесят четвертого, когда плевки замерзали на лету и, как утверждал старик Сварный, то же самое происходило с мочой, а это гораздо хуже, если удобства во дворе.

«Дерево Иуды» было гнусной дырой, однако заведения почище, подороже и более безопасные посещала публика побогаче, и там звучала совсем другая музыка, служившая анестезиологическим раствором для тех, кто не хотел иметь ничего общего с окружающей помойкой.

Так что у Слепого не было выбора. Он зарабатывал жалкие гроши, однако только здесь мог играть свой блюз. Делал ли он это для других? Черта с два, хотя играть ему приходилось для подонков всех мастей, бандитов, проституток, шоферов, наемников, фермеров, солдат, карточных шулеров, воров, вдов, стариков, забывших не только чем они занимались прежде, но и собственные настоящие имена.

Он и сам был подонком. Ему не давали забыть об этом ни на один день. Он знал, что если бы в кафе до сих пор работал музыкальный автомат, духу бы его здесь не было. Он знал и свое место – где-то в одном ряду с пивом, старыми порнографическими журналами, неприятными воспоминаниями, приятными воспоминаниями, шлюхами, похмельем, старыми ранами, подкрадывающимся безумием. Не больше, но и не меньше.

У него не было ничего, кроме гитары. Отоспавшись или не отоспавшись (в зависимости от обстоятельств), он появлялся в полутемном зале кафе, садился в углу на табурет и начинал терзать струны, запас которых подходил к концу. Когда порвется последняя запасная, он будет играть на пяти, затем на четырех и так далее. Он постарается изобразить что-

нибудь и на одной. Когда же и ее не останется, он все равно будет играть, правда тихо и недолго, ибо тогда точно сдохнет с голоду.

Пел он редко, только если за это наливали. Или если приказывали петь те, ослушаться кого было бы вредно для здоровья. У него был хриплый ломкий голос, от которого становилось еще грустнее. Он пел старые забытые вещи и старые незабытые вещи, и новые вещи, которые сочинял сам, но едва ли кто-нибудь из постоянных посетителей «Дерева Иуды» улавливал разницу. А он платил им тем же, не различая лиц.

Его прозвали Слепым за то, что он всегда, даже в самый темный день, даже ночью, носил темные очки. На самом деле он не был слепым, но мало что из увиденного находил приятным или хотя бы нейтральным. Это кое-кого раздражало. Страна давно не была свободной. Однажды его заставили снять очки и избили до полусмерти. Все увидели, что у Слепого маленькие бесцветные глазки, смотревшие на мир по-собачьи грустно и немного испуганно. Никто не понял, что он носил очки не из высокомерия, а потому что всего лишь хотел спрятаться от враждебно настроенной своры и этим сильно напоминал ребенка, закрывающего глаза руками. Он хотел, чтобы его оставили в покое. Но не получалось. В другой раз очки хрустнули под бандитским сапогом, и лишь спустя месяц Слепому удалось купить почти такие же у шофера-дальнобойщика. Это стоило ему многих дней, прожитых впроголодь.

Так вот, он играл почти непрерывно. В паузах возникал вакуум, почти невыносимый для самого Слепого. Он должен был заполнять пустоту звуками, чтобы не свихнуться от всего того, что происходило вокруг него, а также внутри его рано поседевшей головы.

Время с восьми до десяти вечера было не очень благоприятным. Час всякого отребья. Плохие парни уже слишком пьяны; хорошие парни еще слишком трезвы. Хорошие отличались от плохих только тем, что не представляли непосредственной угрозы, хотя, бывало, все менялось в один момент.

Если Слепой выходил через черный ход, чтобы отлить, то вполне мог получить ногой по яйцам. А однажды получил и нож между ребер, но, к счастью, выжил. И на следующий вечер уже снова играл, зарабатывая себе на завтрак, играл, невзирая на дикую боль под тряпками, которыми его перевязали, играл до тех пор, пока открывшаяся рана не начала обильно кровоточить. Помнится, джинсы пропитались кровью спереди, и какая-то пьяная девка с хохотом вопила: «У Слепого менструация!»

Да, такие дела. Ближе к одиннадцати он чувствовал себя гораздо лучше. Раскованнее, что ли. Словно ночь брала его под свое черное крылышко, принимала в объятия, поглощала целиком, без остатка. Мрак снаружи и мрак внутри – это уравнивало шансы. И он играл, уже не думая ни о чем. Играл, чтобы пережить эту ночь; сама музыка, которую он извлекал, становилась жизнью. Он словно заклинал беспощадных демонов пустоты, которые в противном случае быстро прикончили бы его. Но когда-нибудь все равно прикончат – в этом можно было не сомневаться.

Около полуночи наступал его час – неизмеримый промежуток, которым он владел почти безраздельно. Он творил чудеса, затыкая ревушую от безысходности глотку тьмы. Он играл, как продавший душу дьяволу, ненадолго возвращая старухам молодость, потаскухам – невинность, всем проклятым – надежду. В это время гам в «Дереве Иуды» нередко стихал и рыдала только его гитара, а сентиментальные шлюхи обоих полов молча утирали слезы, опасаясь разрушить последнюю стену, отделявшую никчемную жизнь от позорной смерти.

Слепой помнил, что он ничем не лучше большинства из них, но за темными стеклами очков не было видно его глаз, и только пальцы иногда кровоточили, да в голосе прорывалось что-то совсем уж дьявольское. Когда однажды шлюху по кличке Мальвина нашли повесившейся в сортире, кое-кто утверждал, что причиной самоубийства явилась игра Слепого, который в предшествующую ночь был в ударе. Слепой не верил в это. Он-то, как никто другой, знал, что музыка совершенно бессильна.

С наступлением утра он стремительно терял энергию. Серый тоскливый дневной свет превращал его в то, чем он был на самом деле, – в жалкого музыкантишку со старой гитарой, который растратил впустую свою молодость и угробил скудный талант. И тогда он, сгорбившись, убредал в свою убогую каморку возле кухни, где обычно пережидал бесплодное, прямо-таки смертельное для него время. Здесь он спал на рваном матрасе, брошенном прямо на доски пола, и его соседями снизу были крысы, шуршавшие в подвале. Он засыпал под издаваемые ими шорохи – эти звуки казались ему гораздо более умиротворяющими, чем грохот кастрюль и лязг ножей, доносившиеся с кухни. И, кроме того, холодом близкой могилы тянуло из подвала сквозь щели между досками...

Он был абсолютно, непоправимо одинок. Он тоже почти забыл свое имя и дату своего рождения. Даже самые расчувствовавшиеся из пьяниц никогда не приглашали его выпить с ними. Должно быть, на каком-то животном уровне они воспринимали его как существо иной породы. Пусть даже низшее, но чуждое. Он был тайным врагом, потому что заставлял их вспоминать не только самое лучшее, но и самое худшее. То, что они хотели бы забыть навсегда. Он был хуже священника. В конце концов, священника можно послать подальше. У священника может быть нечистая совесть. А этот парень с черными безразличными стеклами вместо глаз, случалось, засовывал свои грязные пальцы в самые сокровенные раны. И ковырял, ковырял, ковырял...

И все же ему платили за то, чтобы он играл. Без него было бы скучно. Без него меньше пили бы (убыток заведению!), больше ломали (опять-таки убыток!) и больше убивали. Хозяин «Дерева Иуды» это понимал. И Слепой жил чуть лучше, чем бродячие музыканты, – он по крайней мере имел крышу над головой. Правда, в последнее время бродяги попадались все реже.

У него не было поклонников. Вокруг была земля без веры и без любви, да и кто мог полюбить этого монстра, крошившего своей музыкой осколки разбитых сердец. Пару раз шлюхи приходили к нему и предлагали себя, чтобы провести, может ли он дать им хотя бы частицу того почти невозможного, на что смутно намекала подавленная разбуженная страсть, но уходили, горько разочаровавшись... до следующей полуночи. И все хорошее оставалось недоступным, точно звезды, чье тусклое сияние вызывает приливы щемящей тоски. Музыка Слепого была как сияние этих звезд – неутешающая, ускользающая, обманчивая, нездешняя, – и в то же время насквозь пропитанная страданием, чувством потери, отчаянием, несбыточной любовью. И еще всем тем, чего он не имел и никогда не будет иметь.

Гитара заменяла ему и мать, и жену, и друга, и любовницу. Почти такая же потертая, как его единственные джинсы, она всегда была рядом. Он держал руку на грифе, когда спал. Большой шутник и сплетник Сварный рассказывал, что Слепой трахает свою гитару, не получая удовлетворения, ибо отверстие слишком велико для его члена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.